

Весь Марк Аврелий

Наедине с собой. Размышления

Первая книга

1 От Вера, моего деда, я унаследовал сердечность и незлобивость.

2 От славы моего родителя и оставленной им по себе памяти — скромность и мужественность.

3 От матери — благочестие, щедрость, воздержание не только от дурных дел, но и дурных помыслов. А также — простоту образа жизни, далекую от всякой роскоши.

4 От прадеда — то, что не пришлось посещать публичных школ; я пользовался услугами прекрасных учителей на дому и понял, что на это стоит потратиться;

5 От воспитателя — равнодушие к борьбе между зелеными и синими, победам гладиаторов с фракийским или гальским вооружением. Неприхотливость, выносливость в трудах, несуетливость и стремление к самостоятельности в решении дел, невосприимчивость к клевете.

6 От Диогнета — нерасположение к пустякам, недоверие к рассказам чудотворцев и волшебников о заклинаниях, изгнании демонов и

тому подобных вещах. А также и то, что не разводил перепелов, не увлекался глупостями, а отдался философии, слушая сначала Бакхия, затем Тандасида и Маркиана. Уже с детских лет писал диалоги и полюбил простое ложе, звериную шкуру и прочие принадлежности эллинского образа жизни.

7 От Рустика — мысль о необходимости исправлять и образовывать свой характер, не уклоняться в сторону изощренной софистики и сочинения бессмысленных теорий, не составлять увещательных речей, не разыгрывать напоказ ни страдотерпца, ни благодетеля, не увлекаться риторикой, поэтическими украшениями речи, и не разгуливать дома в столе. Благодаря ему я пишу письма простым слогом, по примеру письма, написанного им самим из Синуэссы к моей матери. Я всегда готов к снисхождению и примирению с теми, кто в гневе поступил неправильно, оскорбительно, едва они сделают первый шаг к восстановлению наших прежних отношений. Я стараюсь вникнуть во все, что читаю, не довольствуясь поверхностным взглядом, но не спешу соглашаться с многоречивыми пустословами. Рустик первый познакомил меня с «Воспоминаниями об Эпиктете», ссудив их из своей библиотеки.

8 От Аполлония — свободомыслие и

осмотрительность, стремление неуклонно руководствоваться ничем иным, кроме разума, оставаясь верным себе при невыносимой боли, потере ребенка и тяжелой болезни. На его примере я наглядно убедился, что в одном и том же лице величайшая настойчивость может сочетаться со снисходительностью. Когда приходится с трудом растолковывать что-либо, я не раздражаюсь и не выхожу из себя, ибо видел человека, который опытность и мастерство в передаче глубочайших знаний считал наименьшим из своих достоинств. От него я научился, каким образом следует принимать от друзей так называемые услуги, не чувствуя себя вечно обязанным, но и не проявляя равнодушия.

9 От Секста — благожелательность; образец дома, руководимого отцом семейства, представление о жизни, согласно природе, и подлинном величии, заботливое отношение к нуждам друзей, способность терпеливо сносить невежество, верхоглядство, самомнение и ладить со всеми. Общение с Секстом было приятнее всякой лести, да и у самих льстецов он пользовался величайшим почетом, вопреки собственному желанию. От него я научился методически находить и связывать между собою основополагающие правила жизни, не выказывать признаков гнева или какой-либо другой страсти,

сочетать невозмутимость с самыми нежными почтительными привязанностями, пользоваться доброй славой, соблюдая благопристойность, накапливать знания, не выставляя их напоказ.

10 От Александра-грамматика я научился воздержанию от упреков и обидных замечаний тем, кто допускал варваризмы, коверкание и неблагозвучность речи, предлагая им надлежащие выражения в форме ответа, подтверждения или совместного разбора самого предмета, а не оборота речи либо посредством другого уместного приема напоминания.

11 От Фронтон — понимание того, что тирания влечет за собой клевету, изворотливость, лицемерие и что, вообще, люди, слывущие у нас аристократами, отличаются бессердечием и черствы душой.

12 От платоника Александра я научился избегать частых, не вынужденных обстоятельствами, ссылок в письмах и разговорах на свою занятость и не увиливать от обязанностей по отношению к ближним под предлогом «неотложных» дел.

13 От Катула — внимательность к жалобам друзей, даже неосновательным и вздорным, стремление к улаживанию всех конфликтов, чистосердечная уважительность в отношении к своим учителям, желание воздать им хвалу, как это

делали, судя по воспоминаниям, Домиций и Афинодот, а также — истинная любовь к детям.

14 От брата моего Севера — любовь к близким, любовь к истине и справедливости. Полученные благодаря ему знания о Тразее, Гельвидии, Катоне, Дионе, Бруте и представление о государстве с равными для всех законами, устроенном на началах равноправия и всеобщего равенства, о власти, ставящей превыше всего свободу граждан. Ему же я обязан неизменным почтением к философии, благотворительностью, постоянством в щедрости, надеждами на лучшее и верою в дружеские чувства. Он никогда не скрывал осуждения чьих-либо проступков, а его друзьям не приходилось догадываться о его желаниях — они были всем ясны.

15 От Максима — самообладание, неподатливость чужим влияниям, бодрость в трудных обстоятельствах, в том числе и болезнях, уравновешенный характер, обходительность и чувство собственного достоинства, старательность в своевременном исполнении очередных дел. Что бы ни говорил Максим, все верили в его искренность, что бы ни делал — в его добрые намерения. У него я научился ничему не удивляться, не поражаться, ни в чем не спешить и не медлить, не теряться, не предаваться унынию, не расточать излишние похвалы, вызывающие позднее

гнев и подозрительность, а быть снисходительным, оказывать благодеяния, чуждаясь лжи, имея в виду непоправимость содеянного, а не запоздалые исправления.

Он умел шутить, соблюдая благопристойность, не выказывая презрительного высокомерия, но никто не считал себя выше его.

16 От отца — кротость и непоколебимая твердость в тщательно обдуманных решениях, отсутствие интереса к мнимым почестям, любовь к труду и старательность, внимание ко всем, кто может внести какое-либо общепольное предложение, неизменное воздаяние каждому по его достоинству, понимание того, где нужна строгость, а где большая мягкость. Благодаря отцу — прекращение любовных дел с мальчиками и преданность общественным делам. Отец разрешал своим друзьям не являться на его обеды и не обязательно сопровождать его в путешествиях; те, кто отлучались по своему делу, при возвращении сохраняли его прежнее расположение. Во время совещаний он упорно настаивал на исследовании всех обстоятельств дела и не спешил положить конец обсуждению, довольствуясь первым встретившимся решением. Он сохранял постоянство в отношениях с друзьями, не меняя их из-за пресыщения, но и не поддаваясь чрезмерному увлечению ими. Самостоятельность во всем, ясный

ум, предвидение событий далеко вперед, предусмотрительная распорядительность во всем, вплоть до мелочей, без тени кичливости своими способностями. Приветственных кликов и всяческой лести при нем стало меньше. И неусыпная охрана того, что необходимо государству, бережливость в расходах и выдержка, когда это ему ставилось в вину. И не было у него суеверного страха перед богами, а что касается людей, то не было ни заискивания перед народом, ни стремления понравиться, ни угодливости перед толпой, а напротив — трезвость и основательность; и никогда — безвкусной погони за новизной. Всем тем, что делает жизнь легкой — а это судьба давала ему в изобилии, — он пользовался и скромно, и вместе с тем охотно, так что он спокойно брал то, что есть, и не нуждался в том, чего нет. И никто не сказал бы про него, что он софист, вульгарный болтун или педант, а напротив, — что он человек сложившийся, совершенный, чуждый лести и способный руководитель и своими, и чужими делами. Вдобавок он ценил истинных философов, а остальных не порицал, хотя и не поддавался им. Кроме того, общительность и обходительность, но не через меру. О своем теле он заботился надлежащим образом, не как какой-нибудь жизнелюбец и не напоказ, однако и не пренебрегал им, чтобы благодаря уходу за телом как можно

меньше нуждаться в медицине, во внутренних и наружных лекарствах.

В особенности же он без всякой зависти уступал людям, в чем-либо выдающимся, будь то выразительная речь, исследование законов, или нравов, или еще что-нибудь.

Он содействовал тому, чтобы каждый был в чести соответственно своим дарованиям.

Хотя он во всем соблюдал отеческие обычаи, однако никому не было заметно, чтобы он старался их соблюсти — то есть эти отеческие обычаи. Кроме того, в нем не было непоседливости и метаний, он проводил время в одних и тех же местах и занятиях. И после приступов головной боли он бывал сразу же свеж и полон сил для обычных трудов.

Не много у него бывало тайн, напротив очень мало, да и редко когда; все они касались исключительно государственных дел. Он был благоразумен и умерен в устройстве зрелищ, в строительстве и в раздаче пособий. Он обращал внимание на самое выполнение долга, а не на славу, которую приносит выполнение долга.

Он не пользовался банями в неурочное время, не увлекался постройкой роскошных зданий, был непритязателен в еде, тканях, цвете одеяний, выборе красивых рабов. В Лориуме он носил парадную одежду, изготовленную в близлежащем

поместье, в Ланувии, по большей части, ходил одетым в хитон, в Тускулане носил плащ, считая нужным извиняться в этом — таков он был во всем. Не было в нем ничего грубого, непристойного, необузданного, ничего такого, что позволило бы говорить об «усердии не по разуму», напротив, он все разбирал во всех подробностях, словно на досуге, спокойно, по порядку, терпеливо, соответственно сути дела. К моему отцу подошло бы то, что рассказывают о Сократе — о его умении и воздерживаться и наслаждаться, в то время как большинство не в состоянии воздерживаться, не предаются наслаждениям. Быть стойким и в том и в другом, быть сильным и трезвым в суждениях — это свойство человека с совершенной и непобедимой душой. Именно таким он показал себя во время болезни Максима.

17 От богов — то, что у меня хорошие деды, хорошие родители, хорошая сестра, хорошие учителя, хорошие домочадцы, родичи, друзья, почти все. И то, что я никого из них ничем не обидел, хотя у меня есть такая склонность, и при случае я мог бы это сделать.

Благодеяние богов, что не было такого стечения обстоятельств, которое посрамило бы меня.

И то, что я недолго воспитывался у любовницы моего деда. И что я спас свою юность;

и что я не возмужал преждевременно, но еще и несколько отсрочил это.

Я научился подчиняться начальнику и отцу, который намеренно искоренял во мне всякую спесь и внушал мне, что даже при дворе не нужны ни телохранители, ни роскошные одеяния, ни факелы, ни статуи и тому подобная пышность, но что есть возможность ограничить себя, приближаясь как можно больше к быту частных лиц, и что от этого вовсе не сделаешься более медлительным и робким, когда надо проявить силу в делах правления.

Я имею такого брата, который по своим нравственным свойствам мог побудить меня к развитию и вместе с тем радовал меня и почетом и любовью.

Дети мои уродились неглупыми и без телесных недостатков. Хорошо и то, что я не оказал особых успехов ни в риторике, ни в поэтике, ни в остальных занятиях, которым я, пожалуй, предался бы, если бы чувствовал, что быстро иду в них вперед.

Я не замедлил обеспечить моим воспитателям то почетное положение, которого они, как мне казалось, желали, и не откладывал осуществление их надежд на последующее время под предлогом, что они еще молоды.

И то, что я познакомился с Аполлоном, Рустиком и Максимом. Часто и отчетливо

возникало у меня представление о том, какова жизнь, согласная с природой, так что, поскольку это зависит от богов и от исходящих от них даров, воздействий и внушений, ничто уже не мешает мне жить согласно природе, а если меня на это не хватает, то только по моей вине и оттого, что я не соблюдаю исходящих от богов напоминаний и чуть ли не прямых наставлений.

И то, что я настолько еще сохранил свое здоровье при такой жизни. И то, что я не коснулся ни Бенедикты, ни Федота, да и впоследствии оставался здоровым, когда овладевали мной любовные страсти. Я часто сердился на Рустика, но ничего не сделал такого, о чем бы потом пожалел.

Родительница моя, которой предстояло умереть молодой, все же прожила вместе со мной свои последние годы.

Сколько бы раз я ни захотел помочь какому-нибудь бедняку или в чем-нибудь нуждающемуся, мне никогда не довелось слышать, что у меня нет денег для этого. Да и мне самому не приходилось впадать в такую нужду, чтобы занимать у другого.

И то, что жена у меня такая послушная, так нежно любимая, такая простодушная.

И то, что в изобилии имелись подходящие воспитатели для детей.

Богам я обязан и за то, что в сновидениях мне

была дана помощь, в особенности — против кровохарканья и головокружения, что бывало в Кайете...

И то, что, когда я стремился к философии, я не наткнулся на какого-нибудь софиста, не сидел над сочинениями историков, не занимался разбором умозаключений и не предавался изучению небесных светил.

Ведь все это нуждается в помощи богов и судьбы.

Писано в области квадов, на берегу Грануи

Вторая книга

1 Поутру следует сказать себе: «Сегодня мне придется столкнуться с людьми навязчивыми, неблагодарными, заносчивыми, коварными, завистливыми, неуживчивыми. Эти свойства проистекают от незнания ими добра и зла. Я же, познавший прекрасную природу добра и постыдную — зла, понимаю и природу тех, кто заблуждается. Они мне родственны не по крови и происхождению, а по божественному соизволению и разуму. Я защищен знанием от их зла. Они не могут вовлечь меня во что-либо постыдное. Но нельзя и гневаться и ненавидеть тех, кто мне родственен. Мы созданы для совместной

деятельности, как ноги и руки, веки, верхняя и нижняя челюсти. Поэтому противодействовать друг другу — противно природе; а досадовать и чуждаться таких людей и значит им противодействовать».

2 Чем бы я ни был, я только немощное тело, слабое проявление жизненной силы и господствующего начала. Оставь книги, не отвлекайся от дела, время не терпит. Пренебреги своим телом, как будто ты при смерти. Оно лишь кровь да кости, брэнное плетение нервов, жил и артерий. Рассмотрй также существо жизненной силы; оно — изменчивое дуновение, каждое мгновение то вдыхаемое, то выдыхаемое.

Итак, остается лишь третье — господствующее начало, о нем-то ты должен подумать. Ты стар: не допускай же более его порабощения, не допускай, чтобы им помыкали противоборствующие стремления, чтобы оно жаловалось на свой настоящий удел и приходило в ужас пред будущим.

3 Созидаемое богами преисполнено промысла. Приписываемое случаю также возникает не без участия природы, т.е. в связи с тем, над чем господствует промысел. Все проистекает из этого источника, в нем и неизбежное, и полезное всему миру, часть которого — ты. Для всякой части природы благо то, что производит природа Целого

и что содействует ее поддержанию. Изменения как элементов, так и сложных тел способствуют поддержанию мира. Вот мысли, которые должны дать тебе удовлетворение, пусть они будут твоими основоположениями. Умерь жажду книжного знания, чтобы не роптать, когда придет смерть. Уходя из жизни, храни спокойствие духа, воздав богам искреннюю, сердечную благодарность.

4 Вспомни, с каких пор ты откладываешь эти размышления и сколько раз, получив у богов отсрочку, ты не воспользовался ею. Следует, в конце концов, осознать, к какому миру ты принадлежишь, как часть, истечением какого мироправителя ты являешься. Знай, что положен предел времени твоей жизни, и если не воспользуешься им для собственного просвещения, оно исчезнет, как исчезнешь и ты, и более не вернется.

5 Заботься о деле, которым сейчас занят, чтобы выполнить его достойно римлянина и мужа, с полной серьезностью, искренностью, с любовью к людям и справедливостью. Отстрани от себя иные побуждения.

Будет удача, если каждое дело исполнишь как последнее в своей жизни, освободившись от безрассудства, подогреваемого страстями, пренебрежения к велениям разума, лицемерия, себялюбия и недовольства собственной судьбой.

Видишь, как скромны требования, исполнив которые всякий сможет достичь блаженной, божественной жизни. Да и сами боги от того, кто исполняет это, ничего большего не потребуют.

6 Ну, что ж, пренебрегай, пренебрегай собой, душа! Ведь отнестись к себе с должным вниманием ты уже скоро не сможешь. Жизнь вообще мимолетна, твоя жизнь уже на исходе, а ты не уважаешь себя, но ставишь свое благоденствие в зависимость от душ других людей.

7 Пусть не рассеивает тебя приходящее к тебе извне! Создай себе досуг для того, чтобы научиться чему-нибудь хорошему и перестать блуждать без цели. Следует беречься также и другого тяжкого заблуждения. Ведь безумны люди, которые всю жизнь без сил от дел и не имеют все-таки цели, с которой они сообразовали бы всецело все стремления и представления.

8 Нелегко указать на кого-либо, кто стал бы несчастным от того, что был невнимателен к происходящему в чужой душе. Но неизбежно будет несчастен тот, кто не следит за движениями своей собственной души.

9 Всегда следует помнить о том, какова природа Целого, какова моя природа, каково отношение одной к другой и какой частью какого Целого является природа меня самого, а также о том, что никто не может помешать всегда

действовать и говорить согласно природе, частью которой ты являешься.

10 Феофраст, оценивая различные проступки (поскольку такая оценка возможна с обычной точки зрения), замечает как истинный философ, что проступки, сделанные по влечению, более тяжкие, чем проступки под влиянием гнева. Ведь гневающийся, отвернувшись от разума, испытывает, по-видимому, какую-то горечь и тайное сокрушение, прегрешающий же по влечению, не будучи в силах устоять перед соблазном наслаждения, проявляет, по-видимому, в своих проступках большую распущенность и изнеженность. Правильно поэтому, решает Феофраст, что большего порицания заслуживает проступок, сопряженный с наслаждением, нежели сопряженный с горем. Вообще один из этих людей подобен скорее тому, кого вызвало на гнев чувство горечи, связанное с причиненной ему ранее несправедливостью, другой же самопроизвольно стремится к несправедливости, увлекаемый своим вожделением к какому-нибудь действию.

11 Все следует делать, обо всем говорить и помышлять так, как будто каждое мгновение может оказаться для тебя последним. Если боги существуют, то выбыть из числа людей вовсе не страшно: ведь боги не ввергнут тебя во зло. Если же богов не существует или им нет дела до людей, то

что за смысл жить в мире, где нет богов или нет промысла? Но боги существуют и проявляют заботливость по отношению к людям. Они устроили так, что всецело от самого человека зависит, впасть или не впасть в истинное зло. А если злом является и что-нибудь другое, то они позаботились также, чтобы от каждого зависело не впасть в оное. Но то, что не делает худшим человека, может ли сделать худшей жизнь человеческую? Природа Целого не могла оплошать таким образом ни по неведению, ни по бессилию предупредить или исправить, в случае если она обладает всезнанием; не могла бы она также ни по бессилию, ни по неумелости допустить такую ошибку, как распределение благ и зла между всеми людьми без разбора, как между хорошими, так и между дурными. Смерть и жизнь, слава и бесчестье, страдание и наслаждение, богатство и бедность — все это одинаково выпадает на долю как хорошим людям, так и дурным. Все это не прекрасно и не постыдно, а следовательно, не благо и не зло.

12 Как быстро все исчезает: самые тела в мире, память о них в вечности! Каково все воспринимаемое чувствами, в особенности то, что манит нас наслаждением, или отпугивает страданием, или прославляется тщеславием? Как все это ничтожно, презренно, изменно, бренно и мертво! Вот на что следует направить способность

мышления. Что представляют собою те, убеждения и голоса которых рождают славу? Что такое смерть? Если взять ее самое по себе и отвлечься от всего, что вымышлено по ее поводу, то тотчас же убедишься, что она не что иное, как действие природы. Бояться же действия природы — ребячество; смерть же не только действие природы, но и действие, полезное ей.

Как и какую часть своего существа соприкасается человек с богом и что делается с этой частью по ее отделении?

13 Нет ничего более жалкого, нежели человек, измеряющий все вдоль и поперек, пытающийся, как говорит поэт, «мерить просторы земли, спускаясь под землю», разгадать тайну душ окружающих его людей, но не сознающий, что для него вполне достаточно общения только со своим внутренним гением и честного служения ему. Последнее же заключается в том, чтобы оберечь его от страстей, безрассудства и недовольства делами богов и людей. Дела богов почтенны своим совершенством, дела людей любезны нам в силу родства с ними. Но иногда последние возбуждают некоторого рода жалость: когда в них проявляется неведение добра и зла — уродство не меньшее, нежели неспособность различать белое и черное.

14 Если бы даже ты рассчитывал прожить три тысячи лет и еще тридцать тысяч, все же ты должен

помнить, что никто не лишается другой жизни, кроме той, которую он изживает, и никто не изживает другой жизни, кроме той, которой лишается. Поэтому самая продолжительная жизнь ничем не отличается от самой краткой. Ведь настоящее для всех равно, а следовательно, равны и потери — и сводятся они всего-навсего к мгновенью. Никто не может лишиться ни минувшего, ни грядущего. Ибо кто мог бы отнять у меня то, чего я не имею?

Итак, следует помнить о двух истинах. Во-первых: все от века равно самому себе, пребывая в круговороте, и потому вполне безразлично, наблюдать ли одно и то же сто лет, или двести, или же бесконечное время. Во-вторых: наиболее долговечный и умерший, лишь начав жить, теряют, в сущности, одно и то же. Настоящее — вот все, чего можно лишиться, ибо только им и обладаешь, а никто не лишается того, чем не обладает.

15 Все зависит от убеждения. Это ясно из изречений циника Монима. Но и польза его слов будет ясна для того, кто сумеет уловить заключающееся в них ядро истины.

16 Наибольшим позором покрывает себя душа человеческая, когда возмущается против мира, становясь (поскольку то зависит от нее) как бы болезненным наростом на нем. Ибо ропот по

поводу чего-либо происходящего есть возмущение против природы Целого, содержащего в своей части все другие существа. Далее, когда она чуждается какого-либо человека или устремляется против него с намерением причинить ему вред, как это бывает с разгневанными. В-третьих, она покрывает себя позором, когда не в силах устоять против наслаждения или страдания. В-четвертых, когда она лицемерит и фальшиво и неискренно делает что-нибудь или говорит. В-пятых, когда она не сообразует своего действия и стремления с целью, но делает что-нибудь зря и без толку, ибо даже в пустяках следует сообразоваться с целью. Целью же разумных существ является повиновение разуму и закону древнейшего Града и устройства.

сущность — вечное течение; ощущение — смутно; строение всего тела — бренно; душа — неустойчива; судьба — загадочна; слава — недостоверна. Одним словом, все относящееся к телу подобно потоку, относящееся к душе — сновиденью и дыму. Жизнь — борьба и странствие по чужбине; посмертная слава — забвение. Но что же может вывести на путь? Ничто, кроме философии. Философствовать же — значит оберегать внутреннего гения от поношения и изъяна, добиваться того, чтобы он стоял выше наслаждений и страданий, чтобы не было в его действиях ни безрассудства, ни обмана, ни лицемерия, чтобы не касалось его, делает или не делает чего-либо его ближний, чтобы на все происходящее и данное ему в удел он смотрел, как на проистекающее оттуда, откуда изошел и он сам, а самое главное — чтобы он безропотно ждал смерти, как простого разложения тех элементов, из которых слагается каждое живое существо. Но если для самих элементов нет ничего страшного в их постоянном переходе друг в друга, то где основания бояться кому-либо их общего изменения и разложения? Ведь последнее согласно с природой, а то, что согласно с природой, не может быть дурным.

Карнунт

Третья книга

1 Пойми не только то, что жизнь убывает с каждым днем и остается все меньшая ее доля, но и то, что при очень долгой жизни не всегда сохраняется сила мысли для понимания происходящего и постижения дел божеских и человеческих.

Если человек тупеет, это не отражается на его дыхании, пищеварении, воображении, желаниях и тому подобном. Но слабеет власть над самим собой. Он уже не понимает своих обязанностей, неспособен разобраться в окружающем и не может дать себе отчет в том, что уж лучше расстаться с такой жизнью. Все это требует твердого разума, который уже потерян безвозвратно. Итак, нужно торопиться не только потому, что мы все ближе подходим к смерти, но и потому, что еще при жизни нас подстерегает потеря способности правильного понимания и наблюдения вещей.

2 Следует обратить внимание и на то, что нечто привходящее и изменчивое в произведениях природы обладает особой привлекательностью и заманчивостью. На печеном хлебе местами появляются трещинки. Эти расщелины чужды основной цели искусства пекаря, но они придают хлебу особенно аппетитный вид. Плоды смоковницы лопаются, достигнув наибольшей

зрелости, а в переспелых маслинах самая близость гниения сообщает какую-то особую прелесть плоду. Низко склоненные колосья, хмурое чело льва, пена, бьющая из пасти вепря, и многое другое, далеко не привлекательное само по себе, сопутствуя тому, что произведено природой, усиливает общее впечатление. Все это влечет к себе человека, обладающего особой восприимчивостью и более глубоким пониманием сущности Целого. Вряд ли он сможет не почувствовать важность подобных явлений, всегда сопутствующих деятельности природы. На пасти живых зверей он будет смотреть с не меньшим восхищением, чем на изображения, подражающие природе, которые созданы художниками и ваятелями. Проникновенным взглядом он сумеет распознать не только красоту времени расцвета, но и особую красоту старца, старухи, привлекательность ребенка. И много есть такого, что доступно не всякому, а открывается лишь тому, кто действительно сблизился с природой и ее делами.

3 Гиппократ, исцелив множество болезней, сам заболел и умер. Халдеи предсказали многим смерть, а затем и их самих судьба настигла. Александр, Помпеи, Гай Цезарь, разрушив дотла столько городов и умертвив в боях десятки тысяч всадников и пехотинцев, в конце концов и сами расстались с жизнью. Гераклит, столько

рассуждавший о всемирном пожаре, умер от водянки; не помог ему и коровий помет, которым он был намазан. Демокрита заели паразиты, Сократа убили тоже своего рода паразиты. Но какой вывод из всего этого? Ты взошел на корабль, совершил плавание, достиг гавани: пора слезать. Если тебя ждет другая жизнь, то, так как боги вездесущи, они будут и там. Если же это будет состояние бесчувственности, то тебе не придется более терпеть от страданий и наслаждений и служить оболочке, которая хуже того, кто у нее в плену. Ибо последний есть разум и гений, оболочка же — прах и тлен.

4 Не расточай остатка жизни на мысли о других, если только дело не идет о чем-либо общепольном. Ведь раздумывая о том, кто что делает и ради чего он это делает, кто что говорит, замышляет и предпринимает, ты упускаешь другое дело: все подобное отвлекает от забот о собственном руководящем начале. Надлежит удалять из своих представлений все бесцельное и праздное, а в особенности все, внушаемое любопытством и злобой. Следует приучать себя только к таким мыслям, относительно которых на внезапный вопрос: «О чем ты теперь думаешь?», ты мог бы откровенно ответить, что о том-то и о том-то. Эти мысли исполнены искренности и благожелательности и достойны существа

общежительного, гнушающегося чувственных удовольствий, наслаждений, строптивости, зависти, подозрительности и всего, что заставит покраснеть при сознании, что оно было в тебе. Человек, никогда не оставляющий попечения о том, чтобы быть в числе наилучших, есть жрец и пособник богов. Он дружен и с живущим внутри его божеством, которое делает человека недосыгаемым для наслаждений, неуязвимым для страданий, чуждым всякой гордыне, нечувствительным к какому бы то ни было проявлению злобы, борцом в величайшей борьбе, где он должен противостоять всем страстям. Оно побуждает его глубоко проникнуться справедливостью и от всей души приветствовать все происходящее и выпадающее на его долю. А о том, что говорит, делает или помышляет другой человек, следует думать не часто, в случае если этого требует великое и общепольное дело. Такой человек занят исключительно своими личными делами, а постоянным предметом его размышлений является жребий, предуготовленный ему строением Целого. Первое он стремится довести до совершенства, а что касается второго, то он твердо уповает на его благость. Ибо жребий, выпадающий на долю каждого, и приноровлен к нему и полезен. Он помнит также, что все разумное в родстве между собой, что забота о всех людях отвечает природе

человека, но ценно одобрение не всех людей, а только живущих согласно природе. Он никогда не упускает из виду, что представляют собою те, кто живут не так, каковы они дома и вне дома, ночью и в течение дня, и с кем, и какую водят дружбу. И похвалу людей, которые и сами-то себя не удовлетворяют, он не ставит ни во что.

5 Не поступай ни против своей воли, ни в противоречии с общим благом, ни как человек опрометчивый или поддающийся влиянию какой-нибудь страсти. Не облакай свою мысль в пышные формы, не увлекайся ни многоречивостью, ни многоделанием. Пусть божество в тебе будет руководителем существа мужественного, зрелого, преданного интересам государства; римлянина, облеченного властью, чувствующего себя на посту, подобного человеку, который, не нуждаясь ни в клятве, ни в поручителях, с легким сердцем ждет зова оставить жизнь. И светло у тебя будет на душе, и ты не будешь нуждаться ни в помощи извне, ни в том спокойствии, которое зависит от других.

Итак, следует быть исправным, а не исправляемым.

6 Если ты находишь в человеческой жизни что-нибудь лучшее, нежели справедливость, истина, благоразумие, мужество, другими словами, — самодостаточность твоей мысли, способной указать путь действия, путь, согласный с

разумом и твоей участью, т. е. со всем тем, что выпадает на долю независимо от выбора; тогда, говорю я, если действительно видишь нечто лучшее по сравнению со всем этим, то положи всю свою душу, чтобы испытать возможность наилучшего.

Если же не знаешь ничего прекраснее живущего в тебе гения, подчинившего себе отдельные стремления, способного исследовать все представления, сделавшего себя, по словам Сократа, недоступным для обольщения чувств, послушного воле богов и полного сочувствия к людям, если, по сравнению с этим, ты находишь все остальное мелким и ничтожным, то не уделяй своего внимания ничему постороннему.

Уклонившись в сторону, прельщенный чем-либо второстепенным, ты уже не сможешь безраздельно отдаться служению единственному, принадлежащему тебе благу. Ведь непозволительно же рядом с благом разума и гражданственности ставить нечто чужеродное: одобрение толпы, упоение властью, богатством, жизнью, полной наслаждений. Но все это способно внезапно увлечь и овладеть тобой, едва ты припишешь ему хоть незначительную ценность. Поэтому, говорю тебе, искренне и свободно избирай лучшее и держись его. — «Но лучшее это полезное». — Если оно полезно для тебя, как существа разумного, — то береги его, если для тебя, как животного, —

отрекись от него. Оберегай способность суждения от надменности, чтобы иметь возможность осторожно производить исследование.

7 Никогда не считай полезным для себя то, что когда-либо побудит тебя преступить обещание, забыть стыд, ненавидеть кого-нибудь, подозревать, клясть, лицемерить, пожелать чего-нибудь такого, что прячут за стенами и замками. Ведь тот, кто отдал предпочтение своему разуму, своему гению и служению его добродетели, не надевает трагической маски, не издает стенаний, не нуждается ни в уединении, ни в многолюдстве. Он будет жить, — и это самое главное, — ничего не преследуя и ничего не избегая. Его совершенно не беспокоит, в течение большего или меньшего времени его душа будет пребывать в телесной оболочке, и когда придет момент расставания с жизнью, он уйдет с таким же легким сердцем, с каким он стал бы приводить в исполнение что-нибудь другое из того, что может быть сделано с достоинством и честью. Ведь всю свою жизнь он только и думает о том, чтобы не дать своей душе опуститься до состояния, недостойного разумного и призванного к гражданственности существа.

8 В душе человека, облагороженного и претерпевшего очищение, ты не найдешь ни гнойников, ни скверны, ни скрытой порчи. Когда бы ни настигла его судьба, его жизнь не будет не

окончена, как про трагического актера говорят, что он оставил сцену, не окончив и не доиграв роли. В нем нет ничего рабского, вынужденного, нет навязчивости, отчужденности, нет ничего заслуживающего порицания и боящегося света.

9 Относись бережно к способности составлять себе убеждение. От этой способности всецело зависит, чтобы не возникло в руководящем тобой начале никакого убеждения, несогласного с природой и строем разумного существа. Она же предписывает нам не быть скорыми на решения, относиться с благожелательностью к людям и слушаться богов.

10 Отринув все, держись лишь этих немногих правил. Помни также, что каждый живет лишь настоящим, ничтожно малым моментом; все же остальное или уже прожито, или покрыто неизвестностью. Ничтожна жизнь каждого, ничтожен тот уголок земли, где он живет, ничтожна и самая долгая слава посмертная: она держится лишь в нескольких кратковечных поколениях людей, не знающих и самих себя, не то что тех, кто уже давно опочил.

11 К вышеуказанным правилам нужно добавить еще одно. Следует так подходить к определению или описанию каждого представляющегося предмета, чтобы под внешним покровом, в анализе его частей раскрыть сущность

предмета и то, из чего он состоит, называя все его элементы соответствующими именами.

Ведь ничто не содействует так возвышенному настроению, как способность планомерного, истинного проникновения во все явления жизни и умение найти такую точку зрения относительно рассматриваемого предмета, чтобы сразу решить, какому миру и какая от него польза, в чем его ценность как для Целого, так и для человека, гражданина вышнего Града, по отношению к которому все остальные государства только отдельные домохозяйства. Следует понять, из чего состоит и сколько времени будет длиться то, что сейчас возбуждает мое представление, и какую добродетель следует к нему применить: кротость

ли, мужество, правдивость, верность, простоту, самоудовлетворенность или что-либо в этом роде. Поэтому в каждом отдельном случае следует дать себе отчет: вот это исходит от бога, это происходит в силу связи, predeterminedного соединения, такого же сочетания и судьбы, это же обязано своим существованием моему единоплеменнику, сородичу и согражданину, хотя и не знающему, чего требует от него природа. Но я-то ведь знаю и поэтому отношусь к нему благожелательно и справедливо, согласно естественному закону общения. Вместе с тем я стремлюсь определить и относительную ценность вещей собственно безразличных.

12 Если ты, следуя правому разуму, будешь старательно, ревностно и любовно относиться к делу, которым ты в данный момент занят, и, глядя по сторонам, будешь блюсти чистоту своего гения, как будто уже пора с ним расстаться, если ты будешь поступать так, ничего не ожидая и не избегая, но довольствуясь наличной деятельностью, согласной с природой и геройским правдолюбием во всем, что ты говоришь и высказываешь, — ты будешь хорошо жить. И никто не в силах помешать этому.

13 Как врачи всегда имеют под рукой инструменты и приборы на случай внезапной операции, так и ты имей наготове основоположения

для познания вещей божеских и человеческих и во всех даже самых незначительных действиях помышляй о связи тех и других. Без соображения с божественным не сделаешь хорошо ничего человеческого и наоборот.

14 Пора угомониться. Иначе тебе не придется прочесть ни твоих воспоминаний, ни деяний древних римлян и греков, ни тех отрывков из писателей, которые ты отобрал себе под старость! Итак, спеши к цели и, оставив пустые надежды, сам, пока еще не поздно, приди себе на помощь, если только ты сколько-нибудь заботишься о самом себе.

15 Люди не знают, сколь многозначны такие слова, как воровать, сеять, покупать, бездействовать, усматривать надлежащее; для этого знания нужны не телесные очи, а некий другой орган зрения.

16 Тело, душа, ум. Телу принадлежат ощущения, душе — стремления, уму — основоположения. Способностью получать впечатления обладают и скоты, стремления проявляются бурно и в диких зверях, и в андрогинах, и в Фаларисе, и в Нероне, пользоваться умом для внешнего соблюдения обязанностей могут люди и не признающие богов, и изменяющие своей родине, и творящие, запершись у себя, всякие гнусности. Если все это, согласно сказанному, общо

всем, то одному лишь хорошему человеку свойственно любить и приветствовать происходящее и сопряженное с ним, не осквернять живущего в его груди гения, не беспокоить и не смущать его обилием представлений, а сберечь его чистым, строго послушным богам, не говорящим никогда наперекор истине и не делающим ничего вопреки справедливости. Если даже все люди откажутся поверить, что он живет так просто, скромно и счастливо, то он не будет сердиться ни на кого из них и не сойдет с пути, ведущего к цели жизни, к которой следует подойти чистым, спокойным, с легким сердцем и с безропотной покорностью своей судьбе.

Четвертая книга

1 Когда внутренне господствующее начало верно природе, то его отношение ко всему происходящему таково, что оно всегда может легко приноровиться к возможному и данному. Ведь оно не испытывает любви к какой-нибудь определенной материи, а к предпочтительному стремится лишь условно, обращая в материал для себя все, что оказывается впереди. Оно подобно огню, овладевающему тем, что брошено в него: слабая Лампада была бы потушена, а яркое пламя мгновенно охватывает попавшее в него, пожирает

его и вздымается благодаря этому еще выше.

2 Ничего не следует делать зря и никогда не поступать иначе, как сообразно строгим правилам искусства.

3 Люди ищут для себя уединения поближе к простой сельской жизни, где-нибудь на берегу моря или в горах. Ты тоже мечтаешь о чем-нибудь подобном, между тем это явное недомыслие: ведь есть возможность в любое время уединиться в самом себе. Нигде человек не уединяется так спокойно и безмятежно, как в своей собственной душе. Особенно тот, у кого есть внутри нечто такое, во что стоит только пристально взглядеться, как сейчас же станет легче. Это облегчение, по-моему, не что иное, как душевная благоустроенность. Вот этому уединению ты и предавайся постоянно, таким образом обновляя себя.

Пусть будут кратки и просты те доводы, которые, чуть только к ним прибегнешь, уже оказываются достаточными, чтобы устранить всякое раздражение, так что ты вернешься к своим делам уже без досады.

Ведь что тебе тягостно? Испорченность людей? Но если ты поразмыслишь над тем, что разумные существа рождены друг для друга, что терпение входит в понятие справедливости, что люди заблуждаются лишь невольно, и сколько людей враждовавших, подозревавших,

ненавидевших, сражавшихся уже умерло и обратилось в прах, — тогда ты перестанешь огорчаться.

Или тебе тягостен твой удел во вселенной? Возобнови в памяти взаимоисключающие утверждения: «или Провидение, или атомы», вспомни все доказательства, уподобляющие мир Граду. Или тебя еще связывает твоя телесная сторона? И это после того, как ты уже заметил, что мышление, отрешенное ото всего и познавшее свои собственные возможности, не зависит от «пневмы», движущейся то мягко, то резко? Вспомни и все прочее, что ты слышал и усвоил относительно страдания и наслаждения.

Или тебя увлекает жалкая слава? Посмотри, с какой быстротой все погружается в забвение, как зияет вечность, беспредельная в обе стороны, как пуст всякий отзвук, какая переменчивость и неразборчивость у тех, кто как будто бы хвалит себя, и какое узкое очерчено для тебя пространство. Да и вся-то земля — точка. Какой же уголок на ней занимает твое местопребывание? И много ли здесь таких, что станут хвалить тебя, да и каковы они сами?

Вспомни же, наконец, об удалении в свою собственную обитель и, главное, не разбрасывайся, не суетись, но будь свободным и смотри на вещи как муж, гражданин, смертный! Среди истин,

которые всегда должны быть под рукой, заметь особенно две. Во-первых, вещи не касаются души, но пребывают в покое вне ее; причины жалоб коренятся в одном лишь внутреннем убеждении. Во-вторых, все то, что ты видишь, подлежит изменению и вскоре исчезнет. Размышляй постоянно и о том, скольких изменений ты уже был свидетелем. Мир — изменение, жизнь — убеждение.

4 Если духовное начало у нас общее, то общим будет и разум, в силу которого мы являемся существами разумными. Если так, то и разум, повелевающий, что делать и чего не делать, тоже будет общим; если так, то и закон общий, если так, то мы граждане. Следовательно, мы причастны какому-нибудь гражданскому устройству, а мир подобен Граду. Ибо кто мог бы указать на какое-нибудь другое общее устройство, которому был бы причастен весь род человеческий? Отсюда-то, из этого Града, и духовное начало в нас, и разумное, и закон. Откуда же иначе? Ведь как все то во мне, что обладает свойствами земли, есть частица какой-нибудь земли, влажное — частица другого элемента, животворящее, горячее и огневидное берут начало каждое в своем источнике (ибо ничто не возникает из ничего, как и не превращается в ничто), точно так же и духовное откуда-нибудь да происходит.

5 Смерть есть такая же тайна природы, как и рождение. В одном случае соединение, в другом разложение одних и тех же элементов. Вообще в них нет ничего, что могло бы быть для кого-нибудь постыдным, ибо нет ничего несоответствующего одухотворенному существу или разуму того же строения.

6 Людям, которые часть этого мироздания, следует поступать таким же образом. Противодействовать этому все равно, что лишать сока смоковницу. Помни о том, что по истечении самого незначительного промежутка времени вы оба, и ты, и твой противник, умрете; а вскоре затем забудутся и ваши имена.

7 Устрани убеждение, устранится и жалоба на вред. Устрани жалобу на вред, устранится и самый вред.

8 То, что не делает человека худшим, чем он есть, не делает худшей и его жизнь и не вредит ни внешней, ни внутренней стороне его существа.

9 Польза вынуждает природу поступать таким образом.

10 Все совершающееся совершается согласно справедливости; если будешь наблюдать внимательно, то убедишься в этом. Все совершается, говорю я, не только согласно определенному порядку, но и согласно справедливости, точно кто-то распределил все

сообразно достоинству. Продолжай же начатое тобою наблюдение и, что бы ты ни делал, делай с той мыслью, чтобы стать хорошим в истинном значении этого слова. Храни эту мысль во всех твоих начинаниях.

11 Не проникайся ни тем убеждением, которого держится обидчик, ни тем, которое он хочет навязать тебе, но все рассматривай со стороны истины.

12 Во всех случаях жизни руководствуйся двумя правилами. Во-первых, делай только то, что внушает разум. Это господствующая часть твоего существа, которая направляет действия на пользу людей. Во-вторых, умей изменить свое мнение, если кто-то указал на твою ошибку или сумел переубедить тебя. Но изменять свое мнение возможно лишь в соответствии со справедливостью, общей пользой и тому подобным, а не потому, что новый взгляд кажется более легким, приятным или сулит славу.

13 «Обладаешь ли ты разумом?». — «Обладаю». — «Почему же ты не пользуешься им? Ведь если он будет делать свое дело, что останется тебе желать?».

14 Ты существовал, как часть Целого. Тебе предстоит исчезнуть в породившем тебя, вернее, ты, в силу изменения, будешь поглощен логосом, который есть семя вещей.

15 На жертвеннике много кусочков ладана. Один из них попал сюда раньше, другие позже — разницы здесь нет никакой.

16 Если ты проникнешься известными основоположениями и отдашься служению разуму, то через десять дней покажешься богом тем, кому теперь кажешься зверем и обезьяной.

17 Не живи так, точно тебе предстоит еще десять тысяч лет жизни. Уже близок час. Пока живешь, пока есть возможность, старайся стать достойным.

18 Сколько досуга выигрывает тот, кто не смотрит на то, что сказал, сделал или подумал его ближний, но лишь на то, что он делает сам, чтобы соблюсти в своих действиях справедливость и благочестие! По слову Агафона, не выискивай пороки других, а иди своей прямой дорогой, не уклоняясь в сторону.

19 Тот, кто мечтает о посмертной славе, упускает из виду, что каждый, помнящий о нем, сам скоро умрет, за ним последует и тот, кто унаследовал ему, и так до тех пор, пока не угаснет вся память, пройдя поколения помнивших и обреченных. Но допусти, что бессмертны помнящие о тебе и неистребима память. Что тебе до этого? Я не говорю уже, что это — ничто для умерших. Но что до похвалы живому, кроме разве имущественных выгод? Оставь же теперь

заблаговременно заботы об этом суетном даре, зависящем только от людской молвы.

20 Все прекрасное, чем бы оно ни было, прекрасно само по себе: похвала не входит в него составной частью. Поэтому от похвалы оно не становится ни хуже, ни лучше. Я имею здесь в виду и то, что называется прекрасным с обычной точки зрения, как, например, материальные вещи и произведения искусства. А в какой похвале могло бы иметь нужду действительно прекрасное? Не более, чем закон, не более, чем истина, не более, чем благожелательность, не более, чем порядочность. Что из всего этого прекрасно вследствие похвал или извращается благодаря порицанию? Разве смарагд от отсутствия похвалы становится хуже? А золото, слоновая кость, пурпур, мрамор, цветок, растение?

21 Если души продолжают существовать, то каким образом воздух из века вмещает их в себя? — А каким образом вмещает в себе земля тела погребаемых в течение стольких веков? Подобно тому, как здесь тела, после некоторого пребывания в земле, изменяются и разлагаются, и таким образом очищают место для других трупов, точно так же и души, нашедшие прибежище в воздухе, некоторое время остаются в прежнем виде, а затем начинают претерпевать изменения, растекаются, становятся причастными мировому огню,

семенообразному логосу Целого, и таким образом уступают место вновь прибывающим. Вот что можно ответить при предположении, что души продолжают существовать. Следует поразмыслить не только над числом погребаемых трупов, но и над числом живых существ, ежедневно поедаемых нами и другими плотоядными животными. А в каком количестве они уничтожаются и как находят свою могилу в телах тех, кому они были на потребу? И однако места для них хватает, ибо они преосуществляются в кровь и принимают свойства воздуха или огня.

Что могло бы помочь распознаванию истины в этом вопросе? Различение начала материи и причины.

22 Не следует бросаться из стороны в сторону, но при всякой попытке сообразоваться со справедливостью, а при всяком представлении стремиться к пониманию.

23 Мир! Все, что гармонирует с тобой, пристало и мне, и ничто соответствующее тебе по времени и для меня не наступает слишком рано или слишком поздно. Природа! Все созревающее в смене твоих времен — необходимо и мне. Все исходит от тебя, все пребывает в тебе, все к тебе возвращается. Герой пьесы говорит: «О возлюбленный град Кекропса!». Неужели же ты не скажешь: «О возлюбленный град Зевса!»?

24 «Если хочешь достичь душевного спокойствия», говорит философ, «то ограничь свою

деятельность немногим». Но не лучше было бы сказать «необходимым» и тем, что предписывает разум существа, от природы гражданственного, и при том, как он предписывает? В таком случае мы будем обладать не только тем душевным миром, который обуславливается прекрасными поступками, но и тем, который обуславливается их немногочисленностью. Ведь большая часть того, что мы говорим и делаем, не необходимо, и если бы кто-нибудь обошелся без этого, то был бы богаче досугом и беднее тревожениями. Поэтому в каждом отдельном случае следует спрашивать себя: «Относится ли это к числу необходимого?» И устранять следует не только не необходимые поступки, но и не необходимые представления, ибо за ними-то и следуют праздные поступки.

25 Сделай попытку, насколько тебе удастся жизнь хорошего человека, довольствующегося уделом, доставшимся ему в силу устройства Целого, человека, удовлетворяющегося справедливостью своей собственной деятельности и благожелательностью своего настроения.

26 Осмыслил ли ты предыдущее? Ознакомься тогда и с нижеследующим. Не мудри над собой, старайся быть простым. Прегрешает кто-нибудь? Он прегрешает против самого себя. Случилось с тобой что-нибудь? Прекрасно. Все случающееся с тобой было изначально суждено тебе и сопряжено с

тобой в силу устройства Целого. Вообще же жизнь мимолетна, надо разумно и справедливо использовать настоящее. Не предавайся излишествам и в часы досуга.

27 Мир или стройный порядок, или же смешение и путаница. Но несомненно первое. Или в тебе может существовать известный строй, а во всем должно быть настроение? И это, когда все обособленно, расчленено и находится в постоянном взаимодействии!

28 Есть характеры мрачные, характеры женственные, упорные, зверские, ребяческие, скотские, вялые, фальшивые, нелепые, вероломные, тиранические.

29 Если чужд миру тот, кто не знает сущего в нем, то не менее чужд и не знающий происходящего. Беглец тот, кто уклоняется от разума гражданственности, слепец — смежающий очи духовные, нищий — кто нуждается в другом и не имеет в самом себе всего полезного для жизни. Кто отступает и удаляется от разума общей природы, выражает неудовольствие происходящим — отступник от мира. Ведь порождает все происходящее та же природа, что породила и его. Отверженец Града тот, кто обособляет свою душу от души всех разумных существ — единой для всех.

30 Кто философствует без хитона, кто без книг, кто — полуголый. «У меня нет хлеба»,

говорит он, «и все же я верен разуму». И меня наука не кормит, а все же я остаюсь ей верным.

31 Люби то немудреное искусство, которое ты изучил, и в нем находи удовлетворение. Остаток жизни проживи, как человек, всей душой предавшийся во всем, что его касается, на волю богов, не желая быть ни рабом, ни тираном по отношению к кому-нибудь из людей.

32 Окинь мысленным взором хотя бы времена Веспасиана, и ты увидишь все то же, что и теперь: люди вступают в браки, возвращают детей, болеют, умирают, ведут войны, справляют празднества, путешествуют, обрабатывают землю, льстят, предаются высокомерию, подозревают, злоумышляют, желают смерти других, ропщут на настоящее, любят, собирают сокровища, добиваются почетных должностей и трона. Что случилось с их жизнью? Она сгнула. Перенесись ко временам Траяна: и опять все то же. Опочила и эта жизнь. Взгляни, равным образом, и на другие периоды времени в жизни целых народов и обрати внимание на то, сколько людей умерло вскоре по достижении заветной цели и разложилось на элементы. Чаще же всего следует возвращаться к тем, которых ты знал лично, как людей стремящихся к суетному и пренебрегавших делом, отвечавшим их собственному строю, не остававшихся ему верными и не

довольствовавшихся им. Необходимо также помнить, что внимание, уделяемое каждому делу, оценивается по нему и должно быть соразмерно ему. Таким образом, если ты не будешь заниматься незначительными делами более, чем приличествует, то не придется тебе и разочаровываться.

33 Слова, бывшие некогда обычными, теперь нуждаются в пояснении. То же и с именами некогда прославленных мужей, как Камилл, Цезон,

Волез, Леоннат; скоро та же участь постигнет и Сципиона, и Катона, затем Августа, а потом очередь и Адриана, и Антонина. Все краткотечно и вскоре начинает походить на миф, а затем передается и полному забвению. И это я говорю о людях, в свое время окруженных особенным ореолом. Что же касается остальных, то стоит им испустить дух, чтобы «не стало о них и помину». Что же такое вечная слава? — Сущая суета. Но есть ли что-нибудь, к чему следует отнестись серьезно? Только одно: праведное помышление, общепользная деятельность, речь, неспособная ко лжи, и душевное настроение, с радостью приемлющее все происходящее, как необходимое, как предусмотренное, как приистекающее из общего начала и источника.

34 Предайся добровольно Клото, и пусть она ставит тебя в те условия, которые пожелает.

35 Все мимолетно: и тот, кто помнит, и то, о

чем помнят.

36 Постоянно думай о том, что все возникающее возникает в силу изменения, и приучай себя к мысли, что ни к чему так не склонна природа Целого, как изменять существующее и творить новое подобное. Ибо все существующее есть некоторым образом семя того, что из него произойдет. Ты же считаешь семенем только засеянное в землю или утробу матери — и коснеешь в невежестве.

37 Твой конец уже близок, а ты все еще не отрешился от всего искусственного, все еще не свободен от треволнений, все еще опасаясь вреда извне, не преисполнен благосклонности ко всем, не понимаешь, что мудрость исключительно в справедливой деятельности.

38 Вникни в руководящее начало людей, в то, что их заботит, к чему они стремятся и чего избегают.

39 Зло коренится для тебя не в руководящем начале других людей и не в превращениях и изменениях твоего тела. — «Но где же?». — В твоей способности составлять себе убеждение о зле. Пусть эта способность пребывает в покое даже тогда, когда наиболее ей близкое, ее тело, режут, жгут, когда оно гноится и гниет, т.е. пусть она рассудит, что нет ни добра, ни зла в том, что равно может случиться как с дурным, так и с хорошим

человеком. Ведь то, что одинаково может случиться как с живущим в противоречии с природой, так и с живущим согласно ей, то согласно с природой и не идет против нее.

40 Ты всегда должен мыслить мир, как единое существо, с единой сущностью и единой душой. Подумай о том, как все сводится к его же единому ощущению, как создает оно все единым стремлением, как все содействует возникновению всего, какая во всем связь и соответствие.

41 «Человек — это душонка, обремененная трупом», как говорил Эпиктет.

42 Нет ничего дурного в том, чтобы претерпеть изменение, как нет ничего хорошего в существовании благодаря ему.

43 Время есть река Возникающего и стремительный поток. Лишь появится что-нибудь, как уже проносится мимо, но проносится и другое, и вновь на виду первое.

44 Все происходящее так же обычно и известно, как роза весной и виноград осенью. Таковы и болезнь, и смерть, и клевета, и злоумышление, и все то, что радует или огорчает глушцов.

45 Последующее всегда родственно предыдущему. Здесь мы имеем дело не со счислением разнородного, лишь насильственно приводимого к единству, а со связью, сообразной

разуму. И подобно тому, как гармонически слаженно все сущее, и все возникающее являет не бессмысленное чередование, а чудесную внутреннюю близость.

46 Всегда помни изречение Гераклита: «Для земли смерть стать водой, для воды — воздухом, для воздуха — огнем и наоборот». Следует помнить и о человеке, забывшем, куда ведет путь, и о том, что люди отступают от все пронизывающего разума Целого, с которым они находятся в постоянном общении, о том, что чуждым кажется им то, с чем они сталкиваются каждый день, что не нужно говорить и поступать как во сне (ибо и тогда нам кажется, будто мы говорим и действуем) и что не следует поступать подобно детям, слепо подражающим примеру родителей.

47 Если бы кто-нибудь из богов сказал тебе, что ты умрешь завтра или уже во всяком случае послезавтра, то едва ли ты стал бы добиваться, чтобы это произошло послезавтра, если ты не труслив до низости. Ибо ничтожна разница! Точно так же не считай очень важным, умрешь ли ты по истечении многих лет или же завтра!

48 Всегда размышляй о том, сколько умерло врачей, хмуривших чело над ложем больного, сколько математиков, гордившихся своими предсказаниями смерти другим людям, сколько философов, распространявшихся о смерти и

бессмертии; сколько воителей, загубивших множество людей, сколько тиранов, пользовавшихся своей властью над чужой жизнью с таким высокомерием, точно они сами были бессмертны. Сколько погибло целых городов, как Геликия, Помпеи, Геркуланум и бесчисленное множество других. Вспомни и тех, кого ты знал лично: один хоронит одного, другой — другого, а затем умирают и сами — и все это в течение краткого промежутка времени. Смотри на все человеческое, как на мимолетное и кратковечное — то, что было вчера еще в зародыше, завтра уже мумия или прах. Итак, проведи оставшийся момент времени в согласии с природой, а затем расстанься с жизнью так же легко, как падает созревшая олива: славословя природу, ее породившую, и с благодарностью к произведшему ее дереву.

49 Будь подобен скале: волны беспрестанно разбиваются о нее, она же стоит недвижимо, и вокруг нее стихают взволнованные воды.

Я несчастен потому, что со мной случилось то-то и то-то. — Отнюдь нет. Наоборот, я счастлив потому, что, хотя это и случилось со мной, я все же не предаюсь печали, не сломлен настоящим, не трепещу перед грядущим. Случиться ведь это могло со всяким, но не всякий бы остался чуждым печали. Почему же первое более несчастье, нежели второе счастье? Назовешь ли ты вообще несчастьем для

человека то, что не препятствует человеческой природе достичь ее цели? Но кажется ли тебе таким препятствием то, что не вступает в противоречие с требованиями человеческой природы? В чем же заключаются эти требования? Ты знаешь их.

Разве случившееся мешает тебе быть справедливым, великодушным, благоразумным, рассудительным, осторожным в суждениях, правдивым, скромным, откровенным и обладать всеми другими свойствами, в наличии которых особенность человеческой природы? Не забывай при всяком событии, повергающем тебя в печаль, опираться на основную мысль: «Не событие это является несчастьем, а способность достойно перенести его — счастьем».

50 Простое, но действенное средство для того, чтобы научиться презирать смерть, — это воскрешать в памяти тех, кто жадно цеплялся за жизнь. Чем им лучше, нежели умершим преждевременно? Лежат где-нибудь и Катилиан, и Фабий, и Юлиан, и Лепид, и им подобные, многих схоронившие, а затем погребенные и сами. Разница во времени вообще незначительна, да и при каких условиях, с какими людьми и в каком жалком теле придется провести это время! Итак, не считай все это важным. Оглянись назад — там безмерная бездна времени, взгляни вперед — там другая беспредельность. Какое же значение имеет, по

сравнению с этим, разница между тем, кто прожил три дня, и прожившим три человеческих жизни?

51 Всегда иди кратчайшим путем. Кратчайший же — путь, согласный с природой: он в том, чтобы блюсти правду во всех речах и поступках.

Подобное решение избавит тебя от утомления, борьбы, притворства и тщеславия.

Пятая книга

1 Если тебе не хочется подыматься чуть свет, то скажи себе: «Я встаю, чтобы приняться за дело человеческое. Неужели же я буду досадовать, что иду на дело, ради которого я создан и послан в мир! Неужели мое назначение — греться, растянувшись на ложе?» — «Но последнее приятнее». — «Так ты создан для наслаждения, а не для деятельности и напряжения сил? Почему ты не смотришь на растения, пичужек, муравьев, пауков, пчел, делающих свое дело и, по мере сил своих, способствующих красоте мира? Ты же не желаешь делать дела человеческого? И не спешишь к тому, что отвечает твоей природе?». — «Но ведь нужно и отдохнуть». — «Согласен. Однако природа установила для этого известную меру, как установила ее и для еды, и для питья. Но ты идешь дальше меры и дальше того, что достаточно. В

деятельности же своей ты не достигаешь этой меры, не доходишь до границ возможного, ибо ты не любишь самого себя. Иначе ты бы любил и свою природу, и ее требования. Другие, любящие свое искусство, всецело отдаются своему делу, забыв и помыться, и поесть. Ты же меньше ценишь свою природу, нежели гравёр — гравирование, танцор — танцы, сребролюбец — деньги, честолюбец — славу. Все они, когда увлекутся, предпочитают не есть и не спать, только бы приумножать то, к чему лежит их душа. Неужто общепользная деятельность кажется тебе менее значительной и менее достойной усилий?».

2 Как легко, отбросив и подавив всякое тягостное и неподобающее представление, тотчас же достичь полного мира душевного.

3 Считаю себя достойным всякого слова и дела, согласных с природой. Пусть не смущают тебя чьи-нибудь последующие упреки и пересуды. Если можешь сделать или сказать что-нибудь прекрасное, то смело берись за это! Ведь у каждого свое руководящее начало, и каждый следует своим стремлениям. Не смотри на это, но прямо или, следуя и своей природе, и общей, ибо един путь и той, и другой.

4 Я буду идти, неуклонно держась своей природы, пока не свалюсь; лишь тогда я отдохну, отдав свое дыхание тому, из чего я черпал его

ежедневно, и возвратившись туда, откуда изошло семя моего отца, кровь матери, молоко кормилицы, в ту землю, которая столько лет кормила и поила меня, которая носит меня, топчущего ее и пользующегося сверх меры ее дарами.

5 Ты не можешь никого удивить своей быстрой сообразительностью. Пусть так. Но есть многое другое, относительно чего ты не можешь сказать: «Я не рожден для этого». Проявляй же те свойства, которые всецело зависят от тебя: чистосердечие, серьезность, выносливость, пренебрежение к наслаждениям, довольство своей судьбой, умеренность в потребностях, благожелательность, свободу, скромность, отсутствие пустословия и высокомерия. Знаешь ли ты, что еще во многом мог бы проявить себя, не ссылаясь на природную неспособность, и все же добровольно остаешься на прежнем уровне? Или же к тому, чтобы роптать, жадничать, льстить, во всем винить свое жалкое тело, потворствовать ему, превозноситься и испытывать подобные душевные волнения, также принуждает тебя отсутствие способностей? Нет, клянусь богами, нет! Напротив, ты давно бы мог отделаться от всего этого. Если же ты действительно признаешь в себе недостаточную быстроту понимания и сообразительности, то этот недостаток следует уничтожить упражнением, а не потворствовать своей лени, махнув на все рукой.